
ИРАН: РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

В.И. Юртаев

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу вовлеченности Ирана в современные интеграционные процессы в Евразии с точки зрения оценки потенциала «исламской республики» как модели управления государством в условиях глобализации. Рассмотрены основные проблемы и ограничения, связанные с усилением геополитической составляющей во внешней политике Ирана в контексте обеспечения безопасности в зоне Персидского залива и развития регионального сотрудничества в статусных отраслях экономики.

Ключевые слова: регионализация, геополитика, мир ислама, Исламская Республика Иран, модернизация, Евразия, статус, интеграция.

В начале XXI в. в борьбу за лидерство на евразийском пространстве все заметнее втягивается мир ислама и один из его лидеров — Иран, ключевая страна в зоне Персидского залива и крупнейшая экономика в Юго-Западной Азии. Спустя 30 лет после начала исламизации страны Исламская Республика Иран (ИРИ) заявила о своей готовности решать более сложные задачи, имеющие масштабное международное измерение. В условиях мирового финансово-экономического кризиса руководство ИРИ выступило с инициативой формирования нового международного экономического пространства, альтернативного капиталистическому. Тегеран призвал к созданию обстановки «сбалансированности и справедливости», отрицания режима господства и усилению глобального видения перспектив регионального сотрудничества. Эти планы ИРИ придется соотнести с видением глобальной перспективы развития мира основными игроками на международной арене (США, ЕС, Китай, Россия, а также Индия) для выбора стратегических союзников.

Выбор достаточно затруднителен, тем более что основные возможные стратегические союзники в начале июня 2010 г. проголосовали за введение новых санкций против Ирана в связи с дальнейшим углублением иранской атомной программы. Режим санкций был ужесточен с принятием Резолюции Совета Безопасности ООН от 9 июня 2010 г. № 1929 (12 голосов «за»; Бразилия и Турция проголосовали против; воздержался — Ливан). В Резолюции, в частности, было определено, что «Иран не будет предпринимать какой-либо деятельности, связанной с баллистическими ракетами, способными доставлять ядерное оружие, включая пуски с применением баллистической ракетной технологии». Так завершился сложный многомесячный этап работы, связанной с попыткой политико-дипломатического урегулирования проблем, связанных с ядерной программой Ирана [8].

Уже первые последствия данного решения СБ ООН серьезно обеспокоили Тегеран. Прежде всего, следует отметить, что перед ИРИ на неопределенное время закрылись двери для участия в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)

в качестве государства-члена, на что иранское руководство делало ставку. В условиях возникшей международной изоляции под угрозу оказались поставлены также планы Тегерана по созданию азиатской региональной организации по типу Европейского Союза (ЕС). Еще более одиозными стали выглядеть замкнутые на идею «Большого Ирана» геополитические построения, включающие страны ближневосточного региона, Центральную Азию и Россию и равным образом — идея геополитического союза от Урала до Персидского залива.

Международные экономические санкции против ИРИ в связи ее атомной программой принимались и ранее и их неэффективность неоднократно подчеркивалась в комментариях экспертов. Тем более неожиданным для Тегерана оказался «эффект домино» после июньского решения СБ ООН. В этих условиях произошла резкая актуализация постоянной для иранского руководства проблемы обеспечения активного присутствия страны в мировой экономике и политике, ведь по сути речь идет о выживаемости самого строя «исламской республики» в Иране. Для соседних стран пришла пора серьезно задуматься об удержании стабильности и безопасности в регионе Центральной Евразии.

Очередная попытка (первая связана с именем имама Р.Хомейни, вторая — пятым президентом ИРИ М. Хатами) найти формат вхождения Исламской республики в мировую политику была начата иранским руководством в 2005 г. и связана с именем победившего тогда на выборах шестого президента ИРИ М. Ахмадинежада. Устремленность иранского руководства на развитие присутствия ИРИ в мире была обусловлена как необходимостью вывода растущей национальной экономики на внешние рынки, так и следствием возраставшего давления внутренних социально-экономических и политических проблем, среди которых — высокая инфляция (около 20%), незанятость населения (до 25%), ситуация демографического взрыва и нарастающего молодежного протеста. Путь, который тогда выбрал высший руководитель (рахбар) ИРИ великий аятолла Сеййед Али Хосейни Хаменеи и который призван реализовать действующий президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад, нацелен, прежде всего, на всемерную глобализацию процессов региональной интеграции и сотрудничества под эгидой ИРИ. Такой подход, отметим, органично сочетается с положениями теории исламской революции, которые положены в основание ИРИ, да и ситуация вокруг Ирана к 2005 году заметно изменилась.

В начале 1990-х гг. в зоне Персидского залива произошло событие, которое во многом предопределило круг возможных сценариев и дальнейшую логику развития событий вокруг Исламской Республики Иран (ИРИ), хотя формально и не имело к этому никакого отношения. 17 января 1991 началась боевая операция по освобождению Кувейта от иракской оккупации, названная в США «Буря в пустыне», которая успешно завершилась 24 февраля 1991 г. Менее чем через год состоялось рождение монополярного мира с доминирующей державой — США, что стало возможным после подписания 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений и ликвидацией СССР. Масштаб этого события многократно усилил эффект американского успеха в Кувейте. В итоге, в 1990-х гг. в регионе сложилась система международных отношений, основанная на принципе «баланса сил», где

США присутствовали на стороне поддерживаемых ими арабских государств Персидского залива.

В начале 2000-х гг. система международных отношений в регионе Персидского залива оставалась неизменной, пока ситуация не стала меняться после успешно проведенной США даже без санкции ООН военной операции по свержению режима Саддама Хусейна в Ираке (2003 г.). Первоначально эти изменения не были заметны на фоне кардинального слома государственной системы и армии Ирака. Тем более, что созданный США и НАТО «военный навес» в Ираке и в Афганистане (с 2001 г.) до какого-то момента нивелировал возникший в регионе дисбаланс сил. Но рано или поздно геополитическое давление от присутствия США должно было сказаться. Прежде всего, на фоне ослабевшего Ирака стало заметным не просто относительное — как ОАЭ и других стран региона — а в разы усиление «веса» Ирана, который стремительно превратился в регионального гегемона. По сути дела, противостоящий глобальному гегемону Иран получил своего рода «геополитическую накачку» от вовсе не желавших этого США, и на фоне «просевшего» Ирака и относительно слабых в военном отношении арабских государств Персидского залива. Иран начал выступать в роли единственного легитимного регионального лидера. И даже более — регионального лидера глобального масштаба, поскольку Иран в процессе развертывания вокруг него в западных СМИ истерии «атомного скандала» неожиданно сам приобрел статус «глобального игрока». Широко практикуемый США геополитический подход с неизбежностью был воспринят Тегераном, однако полноценного диалога не получилось. Вынужденный говорить с американцами на языке геополитики, исламский Иран остался в своем смысловом поле. В качестве исторической аналогии можно вспомнить, например, советскую практику «обмана глухонемых», т.е. капиталистов, в 1930-е гг. К сожалению, приходится констатировать, что в данном случае персидская поговорка: «Сколько ни говори «халва, халва» — во рту слаще не станет», — сработала с точностью наоборот. В какой-то момент Тегеран попал в плен в общем-то вынужденной глобальной риторики, возникшей иллюзии собственной «глобальности» и в условиях мирового финансово-экономического кризиса решил перейти в глобальное контраступление на Запад.

Трудно сказать, как бы развивались события, не займи в 2003 году Евросоюз неверной позиции по иранской ядерной программе и не будь столь недалеконивидной в тот момент западная и американская пропаганда, раздувшая тему «иранского атомного досье». Созданный западными СМИ образ Ирана как страны «оси зла» не скоро сотрется из памяти общественного мнения на Западе, но в результате Исламская Республика Иран стала более известна в мире. В этих условиях просто повторить трюк с голословными обвинениями режима Саддама Хусейна в обладании ядерным оружием для обоснования своего права на его свержение США не решились. Прямой военной операции против Тегерана не произошло, несмотря не ежегодные анонсы в СМИ близости такого шага, начиная с марта 2007 года. Тогда присутствие американских военно-морских сил в регионе Персидского залива впервые вернулось на уровень, который был накануне вторжения в Ирак в марте 2003 года.

Таким образом, военно-политическое присутствие США с 1990-х гг. изменило «лицо» региона и стало новой питательной средой для «конфликта интересов» в зоне Персидского залива, придав ему глобальное измерение. Неудивительно, что Тегеран начал рассматривать региональные риски в широком стратегическом контексте. На президентских выборах 2005-го и 2009-го гг. в Иране на волне этих событий побеждал сторонник «линии имама Хомейни» М. Ахмадинежад, привнесший в иранскую внешнюю политику резкую критику в адрес США и их союзников и призывы к установлению новых международных отношений, основанных на справедливости. В риторике иранского президента в связи с атомной проблемой прочно вошла также тема «политики двойных стандартов», в противовес которой Ахмадинежад выдвинул идею «справедливых программ» по ядерному разоружению и пресечению распространения ядерного оружия, о создании Ближнего Востока без ядерного оружия. Под лозунгом «Ядерная энергия — всем, ядерное оружие — никому» 17—18 апреля 2010 г. в Тегеране прошла Международная конференция по вопросам разоружения и нераспространения. По оценкам экспертов, сам Иран к маю 2010 г. располагал необходимыми материалами для производства от одной до трех ядерных бомб и расходились только в оценке сроков — от одного месяца до года.

На этом фоне в Вашингтоне продолжились дебаты о том, как воздействовать на Иран. Администрация Барака Обамы заметно усилила политическую составляющую давления, пытаясь найти «болевы точки» режима Исламской Республики. Это не столько «политика результата», характерная для команды предыдущего президента США Дж. Буша, сколько «политика моделирования», выстраивающая нужные для достижения результата рамки процесса по выработке оптимального решения. Такой «болевой точкой» для ИРИ является угроза оказаться в изоляции по отношению к таким странам как Россия и Китай.

Действительно, статусный вопрос — один из первых, определяющих решения, принимаемые современным иранским руководством. С одной стороны, это стало результатом векового стремления иранских мусульман-шиитов вновь обрести былое величие и использовать возникший в начале XXI в. шанс для того, чтобы заявить о своих правах в этом мире и, по крайней мере, претендовать на участие в развитии мировой цивилизации. С другой стороны — следствием напряженности, возникшей по границе мира ислама по поводу ядерной программы ИРИ и вследствие глобального терроризма созданной среди мусульман-суннитов «Аль-Каиды». Возможность вести прямой диалог с лидирующими государствами мира, хотя бы и в связи с развитием негативного образа «ядерного ислама» и «ядерного Ирана», после 20-летней изоляции исламской республики на международной арене трудно переоценить. Поэтому нацеленную на поиски взаимопонимания концепцию диалога цивилизаций бывшего президента Ирана М. Хатами в 2005 году сменила агрессивная «дипломатия справедливости» М. Ахмадинежада. ИРИ стремится войти в круг лидеров глобализации и энергично использует возникшую дискуссионную площадку для мобилизации союзников.

Однако игра на «статусном» поле оказывается во многом виртуальной. На практике наблюдаемая в первом десятилетии XXI в. актуализация конфликтно-

сти во всех ее проявлениях более всего пока ведет к росту негативной значимости исламского фактора в мировой политике, но не меняет сколь либо заметно соотношение сил на мировой арене. С точки зрения уровня развития мировой цивилизации, если брать совокупную мощь включаемых государств и различных международных и межгосударственных объединений, пространство мира ислама занимает только третье-четвертое место и опережает лишь «горячие страны» «Глубокого Юга». Глобальные игроки взаимодействуют в формате «Большой восьмерки». Далее располагаются пространства «Запада», где строится Большая Европа, и «Востока», где страны Тихоокеанского региона могут выбирать между Большим Китаем или США. И все эти пространства связывает между собой набирающий силу процесс глобализации, начальной точкой отчета которого стал крах биполярного мира в 1991 году.

Внутри самого Ирана недовольство части молодежи страны показывает, что неэффективность государственного управления оказывает глубинное воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию, большее, чем это предполагалось иранскими руководителями. А это, в свою очередь, означает, что найденный имамом Хомейни принцип «правления справедливого исламского правоведа» либо не подходит для создания конкурентоспособного на мировой арене государства, либо не реализован так, как должно.

Впрочем, в начале 2010 г. президент М. Ахмадинежад так оценил уровень развития шахского Ирана 30-летней давности: «До победы революции Иран находился в сфере влияния западных государств... Иран не руководил своей жизнью. Мы были отсталой страной и с точки зрения экономики, и с точки зрения науки» [1]. Сегодня, выдвигая амбициозные планы развития к 2025 году, Тегеран проводит активную внешнюю политику, направленную на решение двуединой задачи — сохранения строя исламской республики и создания условия для вхождения Ирана в число ведущих государств — членов клуба с условным названием «Многополярный мир». Именно поэтому региональная политика Исламской Республики Иран имеет глобальное измерение, а складывающиеся альянсы выходят далеко за рамки Среднего Востока.

Сравнивая на этом фоне реальные и планируемые достижения Исламской Республики за тридцать лет с ориентирами развития шахского Ирана, видишь в них немалое сходство. Да, изменилось само их основание («монархия — исламская республика»). Но заданная в 1970-е гг. траектория экономического развития страны сохранилась. С той лишь существенной разницей, что временная граница по основным индикаторам развития страны сдвинулась вправо — к границе 2025 года. Другими словами, только за последние 5—8 лет развитие Ирана в целом вышло на уровень, которого страна достигла в канун революции 1979 г. Поэтому поиск пути реформирования государственного управления с целью создания эффективной (с точки зрения вхождения в общемировое пространство) и конкурентоспособной модели, обеспечивающей устойчивое развитие иранского шиитского государства, является одной из критических задач, стоящих в повестке дня для Ирана.

Насколько этот путь может и дальше определяться в ИРИ принципами концепции «правление справедливого правоведа-богослова» («вেলাят-э факих-е

адель»)? Или в условиях глобализации пришла пора выработать новые принципы управления? И будет ли это возврат к политике модернизации? Если в условиях кризиса секулярного проекта мира Нового времени (мир Модерна) на смену этой базовой для теории модернизации социальной организации приходит новая парадигма развития — «глобальное-локальное», то как сохранить свою уникальность и войти в пространство глобализации?

В Иране стремление шаха к тотальности модернизации в полном соответствии с основополагающим принципом этой теории не учло опасности лавинообразного проявления такого спутника модернизации XX века, как «вестернизация», что сделало термин «западничество» («гарбзадэги») ругательным. Сегодня корень зла самими иранцами видится в «плохом управлении». В этой связи интересно вспомнить, что нынешний рахбар ИРИ Али Хаменеи, будучи Президентом ИРИ, направил письмо имаму Хомейни, который в ответ издал фетву. Фетва имама, опубликованная в газете «Кейхан» 7 января 1988 г., выводила законодательную власть государства из сферы исключительной компетенции аятолл, впервые в истории шиизма в эпоху «ожидания» определяя их общие с остальными гражданами обязанности по отношению к центральной власти. Однако дальнейшего развития данная богословская дискуссия не получила и, возможно, именно поэтому в ИРИ сложилась столь изошренная и малоэффективная в современном динамичном мире система сдержек и противовесов. Став рахбаром ИРИ, Али Хаменеи не рискнул продолжить начатую дискуссию, хотя данная возможность сохраняется в потенции и сегодня. Возможно, это и есть путь модернизации социально-политической системы страны по-шиитски, но чтобы убедиться в этом требуется большая политическая воля.

Иран находится на перепутье, перед ним большой выбор. Мир модерна стремительно уходит, и найденные рецепты возрождения все более устаревают. В этих условиях велик соблазн решить проблему неэффективности государства внешним путем — через актуализацию идеи достижения единства мира путем исламской революции. Однако путь военизированной мобилизации уммы на государственном уровне или под эгидой международного терроризма — далеко не самый безопасный способ решения внутренних и международных проблем. Тем более, что после объявления 3 августа 2010 г. президентом США Б. Обамой решения о выводе американских войск из Ирака и завершении военной фазы операции проблема сотрудничества и безопасности в зоне Персидского залива вновь вышла на первый план. При этом нельзя забывать о том, что суннитские арабские государства Персидского залива не могут игнорировать глобальные амбиции шиитского Ирана, поскольку объектом новой риторики Тегерана в любой момент могут стать как региональные, так и двусторонние отношения. Особенно после реального ухода США из Ирака, когда «баланс сил» резко изменится и обретший ядерный статус Иран предложит себя в качестве гаранта региональной безопасности в контексте глобальной безопасности.

США в рамках политики президента США Б. Обамы уже предложили арабским государствам зоны Персидского залива «ядерный зонтик», тем самым расширяя обязательства Вашингтона по обеспечению безопасности этих стран. В ус-

ловиях «глобализации» внешней политики ИРИ арабские страны, скорее всего, примут предложенный Вашингтоном формат обеспечений региональной безопасности, что сохранит мощное присутствие США в зоне Персидского залива. А арабские страны сохраняют свою привязку к американской стратегии обеспечения национальных интересов в регионе, нацеленной на обеспечение бесперебойного поступления энергоресурсов. В этом сценарии Ирану остается только примириться с причислением к «оси зла», поскольку Исламская революция и возрастающее влияние Ирана на исламские движения признаются Западом в качестве важнейшего источника нестабильности. Стремление Тегерана выйти на критический рубеж 20% обогащения урана показался мировому сообществу настолько угрожающим, что вызвало наложение новых международных санкций. Правда, харизматичный президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад назвал новые санкции «назойливыми мухами» и «использованной салфеткой». «Справедливость. Равенство. Высокие нравственные ценности», — вот три основания для нового мира, который строит М. Ахмадинежад [7]. При этом лидер ИРИ вновь призвал мир к ядерному разоружению и предложил начать с создания безъядерного Ближнего Востока.

По большому счету, у Ирана есть альтернатива, рожденная новыми основаниями международного взаимодействия в условиях глобализации. Точнее — регионализации как этапа глобализации. Суть данного пути в том, чтобы, сохраняя основы правления в самой ИРИ, наладить эффективный диалог с внешним миром в рамках региональной интеграции в сферах, сотрудничество в которых будет определять развитие мира в XXI веке. В первую очередь, это сотрудничество в космосе. По оценке Дж. К. Молца из Центра по проблемам нераспространения ядерного оружия Монтерейского института международных исследований (США), к числу космических держав в Евразии относятся Япония, КНР, Индия, Северная Корея, Иран, Великобритания, Франция и Россия; «на подходе к обретению космического статуса в Азии 10—12 стран: Австралия, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Пакистан, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Филиппины». Среди рисков эксперт выделил соблазны военной «пробы пера», отсутствие доступа к получению доходов от технологий, неразвитость международного космического режима, отсутствие культуры космического менеджмента и др. Однако было подчеркнуто значение экономическо-военных аспектов мотивации по выходу в космос и, особенно, в разрезе регионального сотрудничества [4].

Отметим, что 2 февраля 2009 г. (14 бахмана 1387 г.) Исламская Республика Иран стала 10-й космической державой. Запуск был приурочен к 30-й годовщине Исламской революции (1979 г.) и осуществлен с иранского ракетного полигона в Семнани. Был произведен пуск второй ракеты-носителя «Сафир» («Посланник»), которая успешно вывела связной микроспутник «Омид» («Надежда») на орбиту. Президент М. Ахмадинежад, лично руководивший запуском, подчеркнул, что «Омид» несет всему миру «послание единобожия, мира и справедливости» [3]. И если Тегеран готов к участию в региональной кооперации в сфере освоения космоса, то здесь потребуется провести тонкую грань между курсом ИРИ на «всемирную исламскую революцию» и участием страны в процессе регионализации на пространстве Евразии. Сделать это тем более необходимо, поскольку прак-

тически все страны континента в сфере международных отношений опираются на принцип неконфессиональности. Сохраняет свою значимость и геополитический подход, лежащий в основании дипломатии США. Достаточно широкое применение в региональном экономическом сотрудничестве получил принцип прагматизма. Об этом свидетельствует, например, российско-иранский опыт торгово-экономического сотрудничества.

Однако не все так просто. Тегеран не видит альтернатив развитию собственного атомного проекта полного цикла. Как отметил весной 2010 г. Барак Обама в момент принятия санкций, США «признают право Ирана» на развитие своей мирной атомной энергетики, но при этом «Иран скрывал создание предприятия по обогащению урана в Куме» и «нарушил свои обязательства остановить обогащение урана, что предусматривалось резолюциями СБ ООН». Вместо этого иранцы начали обогащать уран до 20-процентного уровня. «Иран — единственная страна, подписавшая ДНЯО, которая не смогла убедить МАГАТЭ, что ее ядерная программа реализуется в мирных целях», — заявил Б. Обама [6].

Позицию Китая по иранскому вопросу определил министр иностранных дел КНР Ян Цзечи, который заявил: «Позиция Китая по вопросу урегулирования иранской ядерной проблемы является четкой и неизменной, она заключается в том, что мы не возражаем против проведения стратегии «двойного пути» (санкции и переговоры), но в то же время мы твердо верим, что консультации и переговоры являются конечным выходом из существующей проблемы» [11]. Пекин отрицал, что его голосование по санкциям связано с изменением позиции и утверждал, что санкции вводятся для того, чтобы вернуть Тегеран за стол переговоров [12].

Как подчеркнул глава российского Правительства В.В. Путин, Москва тоже предлагала ряд решений, в частности, по созданию центра по обогащению урана в России и поставке ядерного топлива, необходимого для развития атомной энергетики, на иранские атомные предприятия. «К сожалению, — сказал В.В. Путин, — они были отклонены иранским руководством». Хотя именно Россия построила Ирану АЭС в Бушере, но это «не мешает нам работать с другими участниками международного общения по тому направлению иранской ядерной программы, которая, как я уже сказал, вызывает озабоченность», — констатировал В.В. Путин [9]. По мнению МИД России, «все меры, прописанные в резолюции, принимаются по статье 41 Главы VII Устава ООН, исключая возможность применения силы...» Соответственно, главный смысл принятого Советом Безопасности ООН решения — побудить иранскую сторону к сотрудничеству, добиться выполнения известных требований, сформулированных в том числе по линии МАГАТЭ [5].

Как и предсказывали аналитики, санкции не повлияли на завершение работ на Бушерской АЭС. Можно поздравить иранский народ с этим крупным достижением. Вопрос о ядерной энергетике в стране возник в начале 1971 г., при шахе, когда началась разработка проектов, призванных превратить страну к 2000-му году в «пятую индустриальную державу мира». Реакция ведущих мировых держав была предсказуемо сдержанной. Во-первых, для развитых стран это событие

является обыденным. Во-вторых, все принципиальные вопросы были согласованы заранее. Для получения первого значимого результата понадобилось 18 лет (с 1992 г.). Собственно работы по строительству АЭС длились 15 лет. Для Ирана это не только большая победа, но и урок для руководства страны. Сложная работа по созданию новых технологий не терпит «подстегиваний» технологического процесса и не должна зависеть от политической конъюнктуры. Церемония открытия АЭС состоялась 21 августа 2010 г. Уже на следующий день, 22 августа 2010 г., Президент ИРИ М. Ахмадинежад лично представил первый иранский беспилотный бомбардировщик «Каррар» («Атакующий»). «Он создан как посол смерти для врагов человечества, но главная миссия этого летательного аппарата — мир и дружба. Его целью является также удерживание врагов в парализованном состоянии на своих базах», — заявил президент Ирана, добавив, что беспилотник представляет собой средство сдерживания и создан для обороны [2]. Не случайно было выбрано и название для беспилотника, ведь известное в Иране словосочетание «Хейдар-е Каррар» — это эпитет первого шиитского имама Али, мученически погибшего в борьбе за справедливость, особо чтимого в шиитском исламе и в Иране.

В тот же день военная готовность Тегерана была дополнена демонстрацией решимости кардинально изменить международную ситуацию путем создания альтернативной «мировой системы». 22 августа 2010 г. президент ИРИ М. Ахмадинежад, обращаясь к меджлису (парламенту) и правительству, отметил, что «Иран установил особые отношения как минимум с 40 странами мира в банковской и страховой сферах, импорте и экспорте, и второй его шаг состоит в том, чтобы правительство воспользовалось ситуацией для создания нового международного порядка для выхода из-под господства капиталистического строя» [10]. Следствием станет всесторонняя экономическая самообеспеченность. Таким образом, будущее исламской революции для высшего иранского руководства несомненно.

Однако ситуация очень непростая. Очевидно, последует разработка более сложных сценариев очередного американского блицкрига в Азии. Исламская республика продолжает находиться в шаге от эпицентра продолжаемой американцами «бури в пустыне», нацеленной в том числе на ликвидацию одного из государств — лидеров исламского мира. Возникает новый формат регионализации, который может стать основой и для новой конфигурации третьего мира. Для полнокровного присутствия в нем ИРИ требуется сформировать перспективную модель государственного управления внутри страны. На международной арене Ирану предстоит выдержать испытание «ядерным соблазном» и геополитикой.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ахмадинежад Махмуд. Потенциал нашего сотрудничества огромен / Интервью журналу «VIP-Premier». — 12.02.2010 // http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=62102
- [2] Иран готовится к атаке // <http://vz.ru/politics/2010/8/22/427087.html>
- [3] Лисов И., Розенблюм Л. Иран — десятая космическая держава // Новости космонавтики // <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/numbers/315/09.shtml>

- [4] *Молц Дж. К.* Доклад на заседании «круглого стола» «Проблемы космических исследований в Азии: национальная мотивация, региональная динамика и глобальные последствия». Дипломатическая академия МИД России, 23 сентября 2010 г.
- [5] Новые санкции по Ирану исключают применение силы — МИД РФ // <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B0EE825A8-445C-47CB-8B37-CB01B94EB2EE%7D.uif>
- [6] *Б. Обама* назвал новые санкции против Ирана «наиболее всеобъемлющими» и жесткими // <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7BAA349848-7C72-4726-BBC2-13612CB1950F%7D.uif>
- [7] Совбез ООН проголосовал за санкции в отношении Ирана // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/06/100609_breaking_iran.shtml
- [8] *Чуркин В.* Новые санкции в отношении Ирана введены в связи с невыполнением им требований СБ ООН и МАГАТЭ // <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B44F03800-54DF-478F-BED6-760FEBBED06E%7D.uif>
- [9] 9 июня 2010 // Россия готова со всем международным сообществом искать решение иранской ядерной проблемы — сказал премьер-министр России // http://www.aze.az/news_putin_ne_udivlen_37496.html
- [10] <http://president.ir/fa/?ArtID=23447>
- [11] <http://www.rian.ru/world/20100604/242460577.html#comm>
- [12] <http://www1.voanews.com/russian/news/China-Iran-Update-2010-06-11-96138004.html>

IRAN: REGIONALIZATION AND GEOPOLITICS

V.I. Yourtaev

Theory and History of International Relations Chair
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the analysis of Iranian involvement in the contemporary integration processes in Eurasia from the point of view of the estimation of the potential of the Islamic Republic as a model of state management under the conditions of globalization. The basic problems as well as restrictions connected with strengthening of Iranian geopolitical component in a context of security ensuring in a zone of Persian Gulf and regional cooperation development in status branches of economy are considered.

Key words: regionalization, geopolitics, Pax Islamica, the Islamic Republic of Iran, modernization, Eurasia, status, integration.